

Лица
КОВАЛЬ

18+

СДАВАЙСЯ
Снова, АЛЕКСАНДРОВА!
СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Лина Коваль

Сдавайся снова, Александрова

<https://litres.ru/73967241>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Что может быть глупее, чем закрутить роман с бывшим мужем на свадьбе нашей общей дочери? — разбито шепчу, стыдливо пряча глаза от подруги.

В Нью-Йорке почти полночь, но Лидка тут же вышла на связь.

— Я в шоке! — она сонно хмурится с экрана. — Ну зачем? Вы же с Ильей десять лет в разводе!

— Это лучшие десять лет в моей жизни, — вскидываю подбородок и непримиримо сжимаю губы.

Вообще-то, первые лет пять я сильно страдала, но никому не показывала!

— Вот видишь. Да и вообще, Оль, сходитья с бывшим — это ведь как смотреть «Титаник» во второй раз и надеяться, что Джек останется в живых.

В дверном проеме проплывает высокая спортивная фигура в строгих брюках и с голым торсом. Я уже забыла, как это видеть Илью каждый день. Здесь. У нас дома.

— Я тебя жду, — зовет он хрипло.

— Так, я пошла! — быстро сбрасываю вызов и взбиваю волосы попышнее.

В конце концов, на «Титанике» до крушения было очень даже весело, а со связью у нас в регионе перебои. Кто сказал, что я буду смотреть фильм до конца?

Содержание

Глава	5
Глава 1. Ольга	6
Глава 2. Ольга	13
Глава 3. Ольга	17
Глава 4. Ольга	22
Глава 5. Ольга	30
Глава 6. Ольга	36
Глава 7. Ольга	44
Глава 8. Ольга	51
Глава 9. Ольга	56
Глава 10. Ольга	62
Глава 11. Илья	69
Глава 12. Илья	75
Глава 13. Ольга	81
Глава 14. Ольга	86
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Лина Коваль

Сдавайся снова, Александрова

Глава

«СДАВАЙСЯ СНОВА, АЛЕКСАНДРОВА»

© Коваль Лина, 2026

Исключительные права на публикацию книги принадлежат автору. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения автора запрещается.

Связаться с автором, а также узнать новости о новинках и творческих планах можно через Телеграм канал [Лина Коваль. Автор](#) или канал в МАКС [Лина Коваль. Любовные романы](#)

*Все персонажи являются вымышленными,
любое совпадение с реальными людьми случайно*

Глава 1. Ольга

Что может быть трогательнее и сентиментальнее, чем свадьба?

Ответ прост: только свадьба твоей восемнадцатилетней дочери.

Невероятно красивой девушки, которую ты помнишь совсем маленькой, с круглыми щечками и в зефирном платье Снежинки на елке в детском саду.

День, когда моя любимая девочка, мой Совенок, как я ласково ее всегда называю, становится совсем взрослой.

Сжимая в одной руке платок, другой — разглаживаю появившиеся в районе бедер складки. Длинное шелковое платье жемчужно-розового цвета я выбирала с особой тщательностью, а еще ради подтянутой фигуры несколько месяцев усиленно занималась пилатесом.

Роль матери невесты — особенная миссия.

— Дорогие гости! — проникновенно говорит импозантный ведущий из-за белоснежной трибуны. — Родители, родные, друзья — самые близкие люди наших Насти и Кирилла. У нас все готово, чтобы поприветствовать жениха и невесту и разделить с ними главный день в их жизни. День рождения новой семьи. Итак, встречаем: Кирилл.

Я приветливо улыбаюсь Инессе, матери жениха. Понима-

още киваю, когда она смахивает выступившие слезы и с нежностью смотрит на сына.

— И наша невеста... Нежная, ранимая, добрая, прекрасная Анастасия. Сегодня, в этот зимний день, к алтарю ее провожает папа.

Я снова натягиваю улыбку и стараюсь не обращать внимания на то, как сильно дрожат ноги. Просто от волнения.

По узкому проходу, украшенному живыми цветами, медленно приближаются моя дочь и... бывший муж. И если Настю я всего пятнадцать минут назад видела в комнате невесты и успела разглядеть изящное кружевное платье с воротником-стойкой и милым вырезом на груди в форме сердца, то с Ильей мы не встречались давно.

Где-то около года не виделись.

Я рассматриваю невозмутимое мужское лицо: высокий лоб, аккуратные аристократичные скулы, легкую, ухоженную небритость. И... чуть сжатые губы. Широкие плечи напряжены сверх меры, выправка армейская.

Вряд ли кто-то из присутствующих знает Александрова настолько, чтобы заметить, как сильно он сейчас волнуется.

А я знаю...

Все-таки пятнадцать лет совместной жизни за плечами.

Была радость, было горе.

Любовь и ненависть.

Начало и конец.

Все было.

Ведущий продолжает бесстыдно провоцировать мои слезы:

— Когда-то давно он точно так же отводил ее в детский сад, обрабатывал зеленкой сбитые коленки и всегда был ее единственным защитником...

Я мысленно закатываю глаза.

Никогда в жизни Александров не отводил Настю в детский сад и уж тем более не обрабатывал ее коленки. Он все время был на своей любимой службе в МЧС, где довольно быстро занял высокий ответственный пост и не мог подорвать оказанное тем самым доверие руководства.

Но сейчас не об этом...

Настя, проходя мимо, чуть растерянно на меня смотрит, и я подбадривающе улыбаюсь.

От того, как она сейчас похожа на меня и как быстро наступает на пятки закон Сансары, сердце пытается выпрыгнуть из груди.

Темные, блестящие, чуть волнистые волосы Насти уложены в тугую прическу, а грамотно подведенные визажистом карие глаза на фоне светлого лица смотрятся поистине огромными.

— Торжественный момент. Отец передает свою дочь в надежные руки Кирилла.

Илья, подведя Настю к алтарю, по-отцовски ласково гладит ее по щеке и обменивается крепким рукопожатием с женихом. Хлопнув его по плечу, уверенно подходит к нам

и здороваются с нашим старшим сыном Артемом. Бросает взгляд на свою бывшую тещу, которая демонстративно отворачивается.

Затем обращается ко мне. Тихо, сквозь зубы:

— Ну привет, Чума...

Тянется, чтобы то ли приобнять, то ли клюнуть в щеку, но я инстинктивно делаю шаг назад, избегая телесного контакта, и продолжаю напоказ ослепительно улыбаться.

Заботливо смахиваю несуществующие пылинки с серого пиджака.

— Какой же страшный у тебя костюм, Александров! — выталкиваю из себя так же тихо и сквозь зубы. — У твоей девицы... весьма оригинальный вкус.

— А где твой пенсионер? — бывший демонстративно оглядывается по сторонам. — Надеюсь, ничего непоправимого не случилось... — Он становится рядом и, выпрямив плечи, невозмутимо смотрит на сцену. Затем еще раз бросает на меня короткий, ироничный взгляд. — ... и он просто принимает радоновые ванны в ближайшем санатории?..

Фыркаю в ответ.

Дурак сорокатрехлетний.

Делаю вид, что никак не реагирую, поправляю лямку платья и переминаюсь с ноги на ногу.

Ведущий проникновенно продолжает церемонию, и я пытаюсь как-то абстрагироваться, стараясь не испортить этот момент. В конце концов, моя единственная дочь выходит за-

муж, а то, что ее отец, с которым мы десять лет в разводе, терпеть меня не может, вообще не новость.

И это очень даже взаимно!..

Настя с Кириллом обмениваются трогательными, искренними клятвами, а затем, надев кольца, скрепляют все вышесказанное осторожным поцелуем.

Я вспоминаю свою свадьбу в восемнадцать...

У нас тоже было много гостей, и мы с Ильей целовались так, будто планировали друг друга сожрать.

И да... к чему все это привело?

Может, так, как наши дети, даже лучше? С умом, с толком и расстановкой.

— Объявляю вас мужем и женой! И первыми наших молодоженов поздравят самые близкие — их родители.

Мы подходим к центру торжественного зала, а затем покидаем его и около получаса позируем для фотографа в разном составе.

Вечер начинается с приветственного слова молодоженов.

Я благодарно киваю Насте. Она, хоть и устроила нас с Ильей за одним столом, сделала это так, что вместо ее отца я вижу огромную вазу с цветами в центре и наслаждаюсь общением с Мариной, моей сестрой.

Ее муж Гена спустя час меняется местами с Полей, чтобы составить Александрову мужскую компанию.

Слева слышится недовольный шепот:

— Не могу смотреть на него. Пришел как самовар начи-

ценный. Выхухоль!..

— Мама, пожалуйста! — я останавливаю поток сквернословия. — Сегодня праздник. Прекрати. Лучше посмотри, какие Настя с Кириллом счастливые.

— Какая она взрослая, наша девочка! — мама тут же забывает про бывшего зятя.

Она всегда была за меня. Особенно после развода, но и во время семейной жизни тоже. Так быть не должно — это я на своем опыте точно знаю, поэтому стараюсь быть очень вежливой и внимательной к Кириллу.

— А мы продолжаем, — объявляет ведущий, и я замечаю, что Настя куда-то исчезла. — Есть одна традиция. Красивая традиция. Пожалуй, самая трогательная. Это... танец отца с дочерью. Встречаем нашу невесту.

Я обращаю внимание, что Илья наконец-то снял свой серый пиджак, и смотрю на прямую спину, обтянутую тканью белоснежной рубашки, а когда вижу дочь в своем свадебном платье двадцатипятилетней давности — ультракоротком и расшитом стеклярусом — в прямом смысле придерживаю челюсть.

— Офигеть, Лелька!.. — шепчет Маринка. — Один в один — ты!..

Я многократно киваю.

Зал заполняется медленной композицией про любовь отца к дочери, и я немигающим взглядом наблюдаю за танцующей парой.

На лице Александрова тоже шок.

Он старается тепло улыбаться Насте, уверенно обнимает ее плечи и прижимает к себе хрупкую фигурку, а затем поверх головы бросает многозначительный, пронизывающий своим смыслом взгляд на меня...

Глава 2. Ольга

Ничего лучше, чем трусливо отвести глаза, я не нахожу.

Музыка все еще звучит, гости завороченно наблюдают за Ильей и нашей дочерью, а мне ужасно стыдно за свои слезы, которые я стараюсь незаметно смахнуть.

Надеюсь, никто не подумает, что я страдаю по своему прошлому браку?

Слезы, конечно же, предназначаются Насте, хоть и не скрою: я злюсь.

Злюсь за то, что она где-то нашла это проклятое платье.

Злюсь за то, что надела его и напомнила нам про тот день.

Сейчас мне кажется, что это было не двадцать пять лет назад, а совсем недавно.

Мама, будучи слишком консервативной, ругала меня за фривольный выбор свадебного наряда, а я предвкушала реакцию Ильи на длинные ноги и открытую грудь.

На моей свадьбе мне казалось, что я красивая.

Самая красивая.

И нет, это осознание не было впитано с молоком матери, и в детстве мне никто так не говорил. Мама была занята, всю жизнь проработала главным бухгалтером на фабрике, отец рано умер — я его почти не помню.

Все моя женская самоуверенность и по сей день строится

лишь на словах, взглядах и когда-то большой любви одного единственного человека — Ильи Александрова.

Наверное, стоит быть ему благодарной, но я мысленно посылаю его к черту и даже не смотрю в его сторону.

В симпатичном юноше-футболисте, который случайно оказался в нашей дворовой компании в тысяча девятьсот девяносто девятом году, я не сразу разглядела того самого. Было время, когда на фоне импульсивных сверстников-подростков Илья казался слишком скучным и взрослым.

Уже потом узнала: мы одноклассники.

Просто он спортсмен, а их учат выдержке и силе. Именно поэтому наш сын Артем с раннего детства серьезно занимался теннисом и сейчас продолжает — уже профессионально. Со своей женой Полиной он тоже познакомился на турнире. У нее к тому времени подрастал двухлетний сын.

— Не вздумай растаять, — мама трясет меня за руку.

— Мама, хватит! — закатываю глаза.

Маринка хохочет.

— «Как не скачешь, а доход не спрячешь».

— Опять ты со своей бухгалтерией, — шикает сестра.

— Ты за мужем лучше смотри, — мама переходит на свой второй по уровню ненависти объект — Геннадия, который с деловым видом разливает коньяк по рюмкам.

— Я за своим мужем посмотрю. Ты не переживай, мам.

Я наблюдаю за ссорой и украдкой бросаю взгляд на дочь в объятиях отца. Как раз в этот момент к ним подходит Ки-

рилл. Мужчины снова обмениваются рукопожатиями, а Настя целует Илью в щеку и что-то эмоционально ему говорит.

Вздрагиваю, когда снова оказываюсь под обстрелом темных глаз.

Убрав правую ладонь в карман серых брюк, Александров решительной походкой направляется к столу, но, вместо того чтобы сесть за спасительной вазой с цветами, огибает стол и... протягивает мне руку.

— Потанцуем?

Я растерянно смотрю на Марину, которая жестом показывает «Сама решай», и получаю ощутимый толчок в спину от матери.

— Х-хорошо, — говорю больше со злости на нее и нервно сглатываю ком в горле.

Игнорируя широкую ладонь, поднимаюсь.

Илья делает шаг назад, пропуская.

Все время, пока я иду в центр зала, практически наступаю на пятки и, уверенно обхватив мой локоть, разворачивает к себе.

Ослепительно улыбаюсь присутствующим и складываю руки на твердых плечах.

— Просто чтобы своим отказом не опозорить тебя при твоих родственниках, Александров, — бросаю взгляд в сторону бывших свекров.

— Какая ты милосердная, — шепчет, склонившись к моему уху. В нос проникает знакомый аромат мужской туалет-

ной воды. — Я бы, конечно, вряд ли это пережил.

— Я тоже так подумала...

— Милосердная...

— Вообще-то да.

— ... как Чума, — ворчит, еще крепче сжимая ладонями мою спину.

Я недовольно пыхчу и пытаюсь найти новые темы для привычных подколов и сарказма, которые мысленно собирала в копилку в ожидании следующей встречи, но неожиданно прикусываю губу.

Илья бросает взгляд на Настю, отводит его в сторону. Со всем ненадолго, потому что тут же смотрит мне в глаза.

— Давно хотел это сделать, — говорит как-то сдавленно.

Шум в моих ушах перекрывает музыку.

— Что? — спрашиваю, немного отдаляясь.

— Извиниться.

— Извиниться?

— Прости меня, Оля. За все.

Глава 3. Ольга

Я прячу взгляд и, чтобы как-то переварить сказанное, рассматриваю гостей за столами. Кто-то из них с аппетитом поглощает только что поданное официантами горячее, кто-то болтает с дальними родственниками, которых давно не видел, лишь часть особо заинтересованных смотрит на нас.

И да.

Спасибо моей спасительнице — гипсовой вазе с цветами — недовольного лица матери я не вижу. Совсем.

«Надо будет поискать на маркетплейсе такую же для дома», — думаю.

Вдруг эта магия и там подействует, потому что мама — мой самый частый гость.

— Кхм, — откашливаюсь.

— Что ты? — Александров все еще ждет реакцию на свои извинения, которые разве что на блюде не преподнес.

В торжественной обстановке, так сказать, удостоена.

Какая честь.

Извинения от самого Ильи Александрова. Они ведь даже в Красную книгу не занесены, потому что их никто и никогда не видел. А они, оказывается, существуют. Вот. Счастье-то какое.

— Да вот... вспоминаю... — хмурюсь.

— Что вспоминаешь?

— Дату сегодняшнюю.

— Первое декабря ведь, — отвечает, опуская взгляд.

— Нет. Рано, — качаю головой.

— Для чего рано?

— Для Прощеного воскресенья. Испугалась, что к отцу на кладбище не съездила...

— А, понял. Это шутка такая...

Александров широко улыбается и еще смелее прижимает меня к себе. С чувством юмора у него туговато, а я в школьном КВН участвовала. Пошутить люблю.

— Просто я решил, что нам пора зарыть топор войны, Лель, — склоняется к моему уху. Горячее дыхание щекочет висок. — У нас дети. Уже внуки пошли. Прикинь, Чума?.. У нас — внуки!

Я не могу не улыбнуться в ответ и сдвигаю ладони, приросшие к твердой груди. Примерно на сантиметр.

Да. Я... бабушка.

Мало того что мы с Ильей ранние, наши дети — и Тема, и теперь Настя — тоже взяли моду жениться и плодиться «мальками». Но, хочу заметить, все в рамках законодательства РФ. Строго после восемнадцати. Это важно.

— Десять лет прошло, Оль. Я уже и не помню половины...

С памятью у Александрова тоже всегда было не очень. Поэтому он быстроотходчивый и незлопамятный.

— Давай попробуем без войнушек? — задевает губами

мочку.

Я отвожу голову в сторону и чувствую терпкий, шоколадный аромат коньяка, который они пьют с Геной. Зять в этом плане любому фору даст, а Илья всегда пил немного. Больше за компанию, чем в удовольствие.

Правда, это было десять лет назад.

Что с ним сейчас происходит? Не знаю.

Артем иногда рассказывал вскользь. Что-то вроде «папу еще раз повысили на службе» или «папа купил новую машину». Я делала вид, что меня это не особо интересует.

Вообще, я обижена страшно.

Это что ж за бывший такой?..

У моих подруг, что ни бывший муж, то загляденье. Один раскорвел так, что в дверной проем еле вмещается, другой — спился до чертиков, третий — женился на блогерше и теперь на широкую публику делает ей массаж ног или разучивает странные танцы. Все соседи потешаются.

Александров же твердый, как матрас в терапевтическом отделении, и при этом успешный в любимом деле. Даже не облысел. В общем, с подругами такого бывшего мужа не обсудишь, гордиться особо нечем.

В зале становится тихо.

— Так что, Оль? — Илья не отпускает.

— Давай попробуем, — я благородно киваю и поджимаю губы. — И в самом деле, делить нам нечего!

— Спасибо, — он широко улыбается.

По-доброму. Как раньше.

Так, надо уходить.

Выпутываюсь из сильных рук и, улыбнувшись дочке, иду к своему столу. Приятный шелк охлаждает кожу в тех местах, где горит.

Обессиленно опускаюсь на стул.

— Смотреть противно, — выдает мама и, так же как и я несколько минут назад, поджимает губы.

Вспоминаю, что косметолог рекомендовала этого избегать. Кисетные морщины вокруг губ еще никого не украшали. Мимику пора контролировать. Как и маму.

— Не смотри, мам, — отвечаю со спокойствием удава и, выпрямив спину, тянусь к бокалу с шампанским.

От извинившегося Александрова вижу только локоть.

Ваза теперь мешает.

Не нужна мне такая.

— Мамаша, а что это вы такая грустная? — веселый Гена нападает сзади с объятиями. Сразу и на тещу, и на меня. — В нашем мужском полку прибыло. Вон какой боец-молодец зеленый, — кивает на жениха. — Его жизни надо учить. Да и нервы молодые, тянуть и тянуть, может, вы на Кирилла переключитесь?..

— Пьянь, — замечает мама, скидывая с себя тяжелую руку и заканчивая разговор.

Марина еле сдерживает смех, а я звонко целую Гену в щеку и шепчу: «Спасибо!»

Свадьба получается очень трогательной. Пожалуй, это самый душещипательный день в моей жизни, потому что на свадьбе Артема я больше переживала, чем радовалась. Ему было всего двадцать. У него спорт, а у Поли маленький ребенок, как они справятся?

Зря переживала. Живут. Еще и мальчишек общих родили. Наших близнецов.

— Мам, — подходит Настя перед тем, как попрощаться с гостями. Она давно переделалась в свое платье. — Забери, пожалуйста, цветы к себе. Мы хотели оставить их здесь до завтра, но сотрудники ресторана не разрешили. У них с утра мероприятие.

— Хорошо, — с опаской посматриваю на букеты. Их не меньше пятнадцати.

— Папа тебе поможет...

— Настя...

— Пап, — машет отцу.

Илья тут же направляется к нам, попутно надевая пиджак.

— Хочу тебя попросить помочь маме с цветами.

— Я бы и сама справилась... — вяло возражаю, представляя, как грузю в такси половину цветочного магазина, а потом разгружаю в ночи у подъезда.

— Я помогу, — заявляет Александров, обнимая нашу улыбающуюся дочь. — Все сделаем в лучшем виде. Не переживай.

Глава 4. Ольга

Загрузив букеты с помощью гостей, мы еще долго прощаемся со всеми и наконец-то садимся в такси.

Я расстегиваю легкое пальто, ставлю сумку на колени и смотрю на уже украшенный к Новому году город. Может, и хорошо, что многие предприниматели делают это заранее, вот только предвкушение и само ощущение праздника к концу декабря все-таки безнадежно теряются.

Ведь еще целый месяц. Тяжелый в плане работы. В нашем городе я возглавляю службу социальной защиты. Моя любимая профессиональная шутка, что мы с моими коллегами очень стараемся помогать незащищенным слоям населения в свободное от написания отчетов время. Смешно, но это именно так.

Илья, сидя рядом с водителем, молчит и тоже смотрит в окно.

Иногда свет гирлянд озаряет его сосредоточенное лицо, и я украдкой его изучаю. Это очень интересно: не общаться с родным, по сути, человеком десять лет, а потом спокойно разговаривать весь вечер. Смотреть в его глаза, вспоминать повадки, подмечать знакомые детали в мимике и голосе.

В груди все еще плещутся странные, щемящие чувства: немного радости, даже восторга, шепотка горечи, стеснение и... облегчение. Все это в коктейле с выпитым шампанским

— жгучая смесь.

— А я ведь вас узнал, — вдруг оборачивается ко мне водитель. Довольно неожиданно. — Александровы! Так?

— Так, — киваю.

Я пристально рассматриваю мужчину средних лет и пытаюсь вспомнить. Есть в нем что-то знакомое, тоже из прошлого.

— Что, Ольга? Не признаешь?..

— Гриша... Сам... сонов, кажется? — озвучиваю предположение.

— Он самый. Самсон, — водитель хохочет. — Привет, футболист, — дружелюбно протягивает руку Илье.

— Привет, Гриш, — Александров отвечает. Вряд ли он его вспомнил. Памяти-то ни грамма.

После рукопожатия старый знакомый смотрит на меня в зеркало заднего вида. Светлые глаза приветливо улыбаются.

— В одном дворе ведь с тобой росли. Потом мы с женой переехали в Дзержинск. Вот... на работу иногда в Нижний приезжаю. Так-то у меня своя фирма. Облигации там, акции, дивиденды, дебет — сами понимаете. Вы не думайте, — он бьет по рулю и резко останавливается на светофоре. Замечаю мишуру на передней панели. — Я ж не таксист. Для души работаю, чтоб с людьми интересными пообщаться...

— Ясно, — тоже улыбаюсь.

— А вы-то как вообще, Александровы?

— Нормально, — на правах узнавшей продолжаю отве-

чать за двоих.

— Да... Вот так дела!.. — Гриша ностальгически смотрит в окно. — Жизнь летит — не замечаешь, год за годом. Мы ведь с вами в один день поженились, помните?.. — Ответ ему не нужен, поэтому он продолжает: — Дашка-то моя, четверых мне родила. Два мальчика и две девчонки. Полный комплект.

— Поздравляю, Гриш! — Запахиваю пальто, потому что мы заезжаем во двор.

— Да уже и старшая наша родила. Дедушка я... Пацаненок такой веселый. Уж как три года ему. А вы?..

— Мы тоже, — тихо отвечает Илья.

Я задерживаю дыхание, потому что его голос звучит как-то слишком... грустно.

— Да... Счастье это, ребята. Семья-то... В этом году ведь серебряную свадьбу отметили. Мы такой праздник в ресторане закатали! И свадебное платье было, уж в которое влезла она, конечно, и торт. Три яруса! Все как по-настоящему. Даже лучше, чем у нас тогда было. Только дети рядом взрослые, — простодушно смеется. — А вы как отмечали?..

— Что?

— Ну свадьбу-то... серебряную?

Я кутаюсь в воротник пальто и медленно отворачиваюсь к окну. Давно же все пережила, так почему слезы близко? Свадьба Настина подействовала?..

Александров тоже молчит.

— Шестой подъезд, — спустя полминуты говорит. — Спасибо, Гриш.

— Ну это... Ладно... Давайте. Дашке от вас привет передам. Скажу: «Александровых встретил». Все такие же. Вообще не изменились. Только одни мы постарели.

— Ты отлично выглядишь, Гриш, — замечаю на прощание. — И действительно, передай Даше большой привет. Подожди, мы цветы заберем. Наверное, несколько раз придется сходить...

— Ты иди домой, — командует Александров. — Я сам все занесу.

— Я помогу, — настаиваю.

— Иди-иди, Чума, — кивает в сторону подъезда. — Код-то тот же?

— Тот же, — отвечаю растерянно и поскорее отворачиваюсь.

— А че цветов-то столько? — выбирается из иномарки Гриша. — Свадьба?

— Дочь замуж вышла, — слышу голос бывшего мужа и скрываюсь за дверью.

Сердце бьется как сумасшедшее, пока поднимаюсь в лифте и захожу в квартиру.

Снимаю пальто и сразу убираю его на место — в шкаф-купе. Туфли ставлю в обувницу и быстрее отправляюсь в гостиную, с недавних пор объединенную с кухней.

Убираю чашку с недопитым чаем со стола и освобождаю

единственную в доме небольшую вазу. Не знаю, куда сунуть три подсохшие розы с белой гипсофилой в кислотном целлофане, от души подаренные на последнем свидании Валерием, поэтому за секунду до того, как дверь открывается, просто убираю их... в холодильник.

— Куда нести? — спрашивает Илья, больше напоминающий городскую клумбу ко Дню молодежи.

— В ванную. Прямо по коридору.

— Я помню, Оля, — усмехается из-за белых хризантем.

Точно. Эту квартиру он получил от государства как сотрудник МЧС и при разводе любезно оставил ее детям и мне, но следующие полчаса мне некогда об этом думать, потому что я занимаюсь букетами.

Составляю их в большой ванной и заполняю ее водой, пока Александров не заносит все.

— Наконец-то, — захожу в гостиную, вымотанная и обесиленная, и зависаю.

Александров успел снять пиджак и, сунув руки в карманы брюк, рассматривает вид во двор из окна.

— Красиво получилось. С перепланировкой. — Оборачивается.

— Спасибо. Мне тоже так показалось.

— Трубу газовую куда дели?

— Ее перенесли. Вот сюда, — показываю на створку в кухонном гарнитуре.

— Хорошо придумали.

— Да, — вздыхаю неловко.

О чем разговаривать с человеком через десять лет?..

— А... ты где живешь?

— А ты не знаешь?

— Нет. Вернее, я знаю, конечно, район и дом. Несколько раз забирала от тебя Настю. Ладно, не отвечай...

— Не гони лошадей, Оля. Я же не со зла. Думал, Артем рассказал.

— Мы тебя не обсуждали.

— Ясно. Я купил квартиру. Почти сразу же... после... — запрокинув голову, потирает шею сзади. — Занял денег у друга. Уже отдал, конечно.

— Молодец. Однокомнатную?

— Нет. Двушка. С двумя балконами.

— О-о-о, — удивленно тяну и... улыбаюсь.

Отряхнув платье от капель воды, подхожу к шкафу.

— Кофе я не пью, чай закончился, — говорю резковато.

— Могу предложить какао близнецов или... мамину настойку, — рассматриваю полки.

Александров смеется.

— Можно и настойку. Алена Кирилловна ее готовила для тебя. Значит, не отравлена.

— Илья, — смотрю на него строго, — мама никому не желает зла.

— Да. Потому что она и есть зло, — иронично ворчит и садится за стол, — самое настоящее!

— Илья!..

Ставлю на стол коробку с длинными стопками для настоек. Внутри вдобавок нахожу игральные карты. Скорее всего, спрятала их от близнецов, чтобы не разбросали по всей квартире. И стопки тоже.

Возраст такой — все надо прятать.

— Что? — спрашиваю, поглядывая на бывшего мужа.

— Ты думаешь о том же, о чем и я?.. — играет бровями и забирает у меня карты.

— Нет, Александров, — смеюсь, глядя, как он ловко тасует колоду.

— Да.

— Нет, — поправляю прическу.

— Тряхнем стариной? В блек-джек? — подмигивает.

— Я не буду с тобой играть. Больше никогда... — мотаю головой.

— Ладно, — он вздыхает и откладывает карты в сторону. Устало разминает шею. — Ты и раньше много проигрывала, Оля, а сейчас вообще все забыла...

— Я... я много проигрывала? — возмущенно прищуриваюсь и прислушиваюсь.

— Ну да... — Александров невозмутим и серьезен. — Ты забыла? В восьми случаях из десяти...

Я дышу как паровоз.

Просто от несправедливости.

— А ну, сдавай!.. — рычу и, не очень женственно собрав

длинное платье на бедрах, плюхаюсь на стул.

Глава 5. Ольга

Щедро отхлебнув облепиховой настойки, достаю проклятые острые шпильки из прически, пока Александров задумчиво рассматривает свои карты. Периодически он хмурится, разминает шею и облизывает губы, которые выглядят сухими.

Для себя я предварительно поставила стакан воды. Обезвоживание для немолодой кожи не шутка.

— Ты покрасилась, Оль? — Илья неожиданно поднимает на меня внимательные глаза.

Я усмехаюсь.

Надо было развестись, чтобы он заметил. Да?..

— Примерно тридцать пять раз, Александров.

Десять лет ведь прошло.

Илья безэмоционально кивает и снова опускает взгляд на карты.

Мне бы подумать, что там у него, просчитать ходы, чтобы щелкнуть по носу этого сорокатрехлетнего выскочку, но я не понимаю, нравится ли ему мой «насыщенный глубокий каштан», поэтому, запрокинув голову, массирую уставшую от прически кожу.

Вполне допускаю, что не нравится.

Илья когда-то любил мои русые длинные кудри до ягодиц. Еще до каскада, «счастья для волос» и ламинирования.

Улыбаюсь: моя любимая шутка последних лет, что даже у моих волос есть счастье. А у меня нет...

Не скажу, что мы с Ильей жили на широкую ногу. Какие-то деньги всегда имелись, но, конечно, эмчезовцев совершенно не балуют частыми индексациями и большими премиями. Как и социальных работников.

Первое время жесткий тюнинг мне не требовался — молодость разделяла и властвовала. С юности я была стройной девушкой с густыми волосами и чистым лицом.

В прямом смысле слова рассыпаться я начала после вторых родов. Долго мечтала вернуть свою талию, но из-за сильного гормонального сбоя и выявившихся проблем с щитовидной железой, все попытки были безуспешными.

Илья не жаловался.

До поры до времени...

Но это та история, в которую я окунаться больше не хочу. Там больно, плохо пахнет, и никакого желания смотреть на Александра у меня не останется. Как и тихо-мирно общаться с ним.

После развода у меня появилось время для себя. Артем уже был подростком. Постоянно ездил на сборы и соревнования, а Настя, сильно привязанная к отцу, проводила много времени у него.

Мой дом опустел.

Я тогда много плакала, но слезы ушли, принеся за собой желание что-то делать. Жена — Ольга Александра —

умерла, а вместо нее родилась женщина, которая начала заново узнавать себя. Я занялась своим развитием, в моей жизни появился спорт, сосредоточилась на работе, и меня довольно быстро повысили, что было немислимо в браке.

— Блек-джек, — громким голосом путает мои воспоминания Илья и выкидывает свои карты на стол.

Я пересчитываю.

Двадцать одно очко.

Черт.

— Сдавайся снова, Александрова... — говорит он, двигая ко мне карты.

Я на правах проигравшей тасую колоду.

Неожиданно останавливаюсь.

— Что? — Илья приподнимает брови и разливает настойку.

— Как ты отнесся к знакомству Артема с Полиной? — выпаливаю быстро. — Всегда хотела спросить. Только честно.

— Я тебе никогда не врал.

— Александров, хватит... Мы снова поругаемся. На этот раз навсегда.

— Просто напомнил, — улыбается по-доброму. — Полина... Хорошая девушка. Конечно, разница в возрасте напрягла, но Артему нужна была такая — боевая подруга.

— Согласна.

— Напрягал ее бывший. Идиота кусок.

— Да, я тоже беспокоилась. Ну и честно... если честно и

между нами, — придвигаюсь к столу и понижаю голос. — Я беспокоилась, как Тема будет взаимодействовать с ребенком. Мне по-матерински хотелось, чтобы он женился на девушке без детей. А еще я переживала, смогу ли полюбить этого мальчика. Особенно сильно это проявилось, когда Полина забеременела двойней.

— Меня больше смущал выбор имен, — усмехается Илья и, откинувшись на спинку стула, складывает ладони на груди и вытягивает ноги.

Я тоже ужасно хихикаю. Всему виной облепиха.

Старший сын Полины — Соломон, и невестка планировала распространить любовь к редким именам и на наших внуков.

— Ты о том, что она хотела назвать малышей Порфирий и Корнелий?

— Нет, — темные глаза округляются, — я сдался на Науме и Родионе. Даже не думал, что дальше были варианты похлеще.

— Их много было, на самом деле, — смеюсь, потирая шею сзади. — Знаешь, с годами я научилась сразу не возражать, чтобы не ругаться...

— Рад, что все-таки научилась, — Илья опрокидывает содержимое стопки в себя и смачно закусывает долькой мандарина. — Сдавай давай, говорю.

Я выпрямляю плечи.

— Что-то скучно играть без интереса, — замечаю, разгля-

дывая карты, и незаметно прячу туз под искусственную зелень в горшке.

Илья подвоха не ждет, поэтому пожимает плечами.

— Денег у меня с собой нет.

— У меня тоже нет налички.

— Фишки?..

— Где-то были, — я оглядываюсь по сторонам. — Но вряд ли найду сейчас, после ремонта.

— Значит, надо придумать что-то вместо них. — Александров продолжает меня разглядывать.

— Да... — напрягаю память, изображая из себя невинное, не мухлюющее лицо. — Точно! — вскакиваю со стула, шулерски прихватив еще одного туза.

По дороге в спальню прячу его надежном месте, куда Александров точно не доберется: в силиконовую вставку на груди.

В ногах и в животе разливается приятное тепло и небывалая легкость.

— Вот, — приношу подарочную коробку и ставлю ее в центр стола.

— Что это?

— Наши фишки, — торжественно заявляю и отбрасываю крышку в сторону.

Илья наклоняется и... замирает.

А потом хохочет.

— Блядь... — медленно, почти по буквам, произносит

сквозь смех.

— Сам такой! — обиженно взмахиваю волосами... и начинаю распределять презервативы на две кучки.

Их тут больше ста, и — вот везение! — фольгированные упаковки как раз двух цветов. Красные и синие.

— Это мне Аленка с Милашкой подарили, — зачем-то оправдываюсь, сдувая пряди с лица и внимательно считая, — на сорокалетие...

«Чтоб потрахалась!» — заявили мне подружки без всякой иронии, но это я Илье не рассказываю.

Вот еще.

Обойдется...

Глава 6. Ольга

— Правила хорошо помнишь, Чума? — спрашивает Александров, все еще с опаской на меня посматривая.

Я деловито пригубляю настоечку. Вкусная, насыщенная, мозгоносящая. Зря, наверное, я ее предложила.

Илья все больше и больше кажется мне симпатичным, хотя после развода я видеть его не могла.

— Оль?

— Разволновалась что-то, — касаюсь горящих щек.

За пятнадцать лет брака мы выработали свои правила игры.

Забыла ли я их?..

Вряд ли.

Странно, что он не забыл!

— Играем по очереди, — говорю серьезным тоном. — Раздаем по две карты, затем делаем ставки. У кого выпадает двадцать одно, тот забирает обе ставки себе. Если ни у кого — каждый остается при своем. Блефовать, — многозначительно поднимаю брови, — можно, повышать ставки — можно, страховать свою ставку не возбраняется, но в этом случае можно все потерять.

— Есть еще сплит, — напоминает Илья. — Если карты приходят одинаковые по количеству очков, их можно разделить на две руки и разделить ставку.

— Да... Разделить на две руки ты особенно любил...

Он сжимает зубы, спокойно принимая удар.

Я корю себя. Ну зачем это ворошить сейчас?..

— И еще можно сдаваться... — он договаривает тихо.

— Не в моем вкусе сдаваться... — возражаю.

— Это я тоже помню, Оля, — его темные глаза блестят.

— Но... в этом случае возможные потери минимизируются до пятидесяти процентов.

— Я знаю! — упрямо говорю.

— Потерять все или пятьдесят процентов?

Широкими ладонями Илья изображает весы.

Я не смотрю, потому что не спускаю взгляда с его заматеревшего за десять лет лица.

— Мой ответ будет таким же, Александров: потерять все.

«Потому что допустивший мысль, что сможет без моей любви... уже меня потерял», — вспоминаю свои слова.

— Ладно, Оля. Не будем о грустном!.. — Илья отмирает и залпом выпивает настойку. — Начнем... Я сдам первым.

— Давай, — подвигаю к себе кучку со своими «фишками».

«Наконец-то и вам применение нашлось, мои хорошие, — мысленно разговариваю с красными презервативами. — Не совсем по назначению, но хоть что-то. Не с водой же дети с балкона кидают... А у вас есть все шансы дождаться, когда близнецы подрастут и достаться им. Даже по прямому назначению».

Ох...

Тема на самом деле больная.

В сорок три уже четко понимаешь, что тебе в сексе нравится, а что совершенно не твое. Знаешь свое тело, зажигаешься с полтычка и поклоняешься богине Овуляции за обильные влажные осадки.

Проблема другая, как и у нас в администрации: знаешь, как надо, а вот реализовать, увы, некому. Исполнителей хороших в нашем возрасте ой как не хватает.

Сверстников, да даже на примере Ильи, который в третий раз подряд проигрывает мне свои «фишки», интересуют только девушки помоложе. И я его понимаю. Сниженный тургор кожи удручает.

Остаются кавалеры постарше.

Есть у меня один такой.

Валерий. В театрах, аптеках и мероприятиях по программе нижегородского долголетия он хорош, а вот в выборе цветов и в постели — не очень.

Не его конек.

— Опять я выиграла! Сдавай! — воодушевляюсь.

Илья молча выдает карты.

Я рассматриваю их, предусмотрительно ставлю на свою победу три презерватива и наблюдаю, как Александров ставит не меньше десяти, пока тянусь к колоде за третьей картой.

— Двадцать одно, — радуюсь победе, забирая себе и си-

ние, и красные презервативы. — Ой, у тебя, кажется, фишки закончились. Как жаль! Ты ведь обычно всегда выигрываешь. — Смачиваю губы пьяной облепихой.

Александров заводит руку за спину, отчего его рубашка еще сильнее облегает плечи, кажушиеся такими массивными, что я скорее гоню эту мысль взмахом головы.

— Так пойдет? — достает из кармана пиджака... пачку с презервативами.

Свою.

Вдоль позвоночника пробегает стая мурашек. В другой ситуации осознание, что у Александрова есть секс, меня бы позлило или расстроило, а сейчас возбуждает. Дожили, черт возьми.

— Пойдет, — отвечаю как можно равнодушнее. — Думаешь, получится отыгаться?

— Постараюсь, — отвечает он, сдавая.

И действительно отыгрывается.

Фортуна больше не со мной, потому что через полчаса рядом с Александровым собираются все презервативы в этой квартире. Синие, красные и те, что точно не лежали мертвым грузом три года.

И, думаю, они вообще умирают «зелеными», только сойдя с прилавка.

Это злит, потому я и мамина облепиха во что бы то ни стало решаем отыгаться, что вполне возможно, если достать карту из-под цветка или вторую — согревающую сердце.

— Займи мне пару презервативов? — прошу бывшего мужа.

— Вот еще, — говорит он невозмутимо. — Обойдешься.

— Будь другом. Очень надо...

— Мне они самому нужны.

Я смотрю на сотню презервативов, и на языке крутится колкость: не многовато ли ему будет?

Глаза Александра снова опасно блестят, только поэтому я молчу.

— Лучше подумай, что тебе поставить. — Илья склоняет голову и постукивает пальцами по столешнице.

— Раздеваться я не буду — сразу предупреждаю.

— Не я это сказал, Лель, — опускает взгляд в зону декольте.

Я шумно дышу и решаюсь на авантюру.

В конце концов, чего только не сделаешь ради туза?..

Запустив руку в вырез платья, ловким движением отлепляю силиконовые накладки, для объема скрепленные посередине застежкой, и пока Илья собирает со стола нижнюю челюсть, незаметно зажимаю карту в руке.

— Это что?

— Догадайся, Александров, — закатываю глаза.

Теперь оба смотрим на зону моего декольте, которая за минуту словно осиротела. Ложбинка выглядит уже не так заманчиво, груди тоже подупали.

Вот она, правда жизни.

Грустно становится.

— Повышаю ставку, — говорит Илья, сдвигая в центр почти все фишки.

— Мне нечем повышать, — растерянно говорю.

— Что? Нижнего белья не осталось? — грязно шутит.

— Не твое дело!..

— Ставь поцелуй.

— Я могу тебя только покусать, — хмурюсь.

— Звучит охренеть как заманчиво, — он расстегивает еще одну пуговицу на рубашке.

В конце концов, что я теряю?

У меня в руке туз и две десятки.

Я все равно выиграла.

— Ладно. Повышаю до поцелуя... — делаю вид, что страшно волнуюсь.

— С языком?..

— Илья! — вспыхиваю.

Всем телом вспыхиваю. От кончиков волос до пальчиков на ногах.

Для храбрости приканчиваю последнюю порцию облепихи.

— Вот, — вскрываю карты с победным видом и тут же оседаю.

Плечи сникают, а разочарованию нет предела.

— Но... как... — разглядываю две десятки и шестерку.

— Ты не это ищешь?..

Поднимаю глаза и вижу, что Илья показывает тот самый туз.

— Ты смухлевал! — обвиняю его, вскакиваю с места и забираю свою карту.

— Кто бы говорил, — он посмеивается и откидывается на спинку стула, убирая руки назад.

Смотрит на меня выжидающе.

Я сильно смущаюсь. Тело горит огнем, только мозг сопротивляется.

«У тебя нет мозгов, Оля, — ругаю себя. — Ты ведь знала, что обдурить его не получится. Никогда не получалось».

— Ты, кажется, хотела что-то сделать? — Александров следит за мной как за добычей.

У меня сердце в пятки спускается. Без лифта. Кубарем.

— Ладно... — поднимаюсь и обхожу стол, немного шатаюсь от волнения.

«Да что я теряю? — снова себя спрашиваю. — В нас столько облепили, что наутро все забудется».

Я ведь делала это миллион раз. По собственному желанию. Днем или ночью, одетая или голая. Беременная, порой злая, даже плачущая.

Всегда.

Приподняв подол платья, перекидываю левую ногу через мужские колени и устраиваюсь на бедрах.

Александров, прищурившись, внимательно за мной наблюдает и шумно дышит. Мои ладони сами по себе нежно

обхватывают колючее лицо, а я сокращаю расстояние между нами.

— Ну привет, Чума, — произносит Илья.

— Привет, — шепчу и припадаю ртом к жестким губам.

Глава 7. Ольга

Я целую Александрова.

И он даже не в гробу.

Бывшего мужа, от которого до сегодняшнего дня и в общественном транспорте отсела бы подальше, чтобы чем-нибудь не заразиться.

Сначала целую робко, будто за десять лет разучилась это делать. Осторожно, вежливо, как порядочная женщина, которая с каждой секундой превращается в не пойми в кого.

Илья лениво убирает руки из-за спины и с силой обхватывает мои дрожащие бедра, впечатывая их в свой каменный пах, раздутый, как и его мужское самомнение, потому что дальше этот эмчезовец идет спасти мои ягодицы от одиночества.

Вообще-то, мы договаривались на поцелуй!

Жесткие губы впиваются в мой рот, будто в поисках последней порции облепихи. Надеюсь, мама никогда не узнает, что именно послужило началом этому безобразию?

Она себе не простит.

— Мм... — Александров собирает пальцами платье.

— Мм-мм-мм! — возмущенно покачиваюсь, возвращая ткань назад.

— Мм... — продолжает хрипло кайфовать, гад.

— Мм-мм-мм, ам-мм-мм-ов-м!!! — что означает «Отва-

ли, Александров».

— Мм!!! — снова пытаюсь сбросить руки со своих ягодиц.

— Эм-м? — вопросительно.

— Не м-м-м! — не наглей!

Как до утки на седьмые сутки, доходит наконец: крепкие ладони покидают мои ягодицы, но тут же обхватывают лицо. Пошловато сдавливают щеки, делая из меня то ли вульгарную зайку, то ли симпатичного бобра.

— Да!.. — бывший муж разглядывает мои губы и оттягивает нижнюю подушечкой большого пальца.

— Илья, остановись! — требовательно сжимаю твердые плечи.

— Не могу, — улыбается.

Считает, это смешно?

Я, вообще-то, тоже не могу.

— Мне больно...

Ослабляет хватку.

Проехавшись по ключицам, останавливаю руки на мускулистой груди. Создаю буферную зону между нами.

— Интересно получается, да?

Закачаешься.

— Думала когда-нибудь, что такое возможно, Чума? Мы целуемся.

— Только на твоих похоронах. В лоб, — выдаю ему честно.

Александров смотрит на меня ошарашенно.

— Прости, что разочаровал.

— Ничего страшного. Бывает.

Илья грязновато улыбается.

— А там случайно... скажем... прощальный секс не планировался? — откашливается.

— На похоронах?.. — спрашиваю без энтузиазма.

— Допустим, я при смерти, Оля... Ты, как всегда, пришла загодя.

— Уверена, ты бы опоздал даже на свои похороны, Александров!.. — выдаю ответную колкость. — Подоспел бы, дай бог, к поминальному обеду...

Смотрим друг на друга непримиримо.

— Так что там с поминальным сексом. Блядь... — морщится. — С прощальным.

Резким движением притягивает меня к себе, вцепившись в талию.

— Судя по тому, как живенько у тебя в штанах, умирать ты не собираешься... — замечаю.

— Если надо, ради секса я готов, — он, кажется, говорит на полном серьезе.

«Дурак!» — улыбаюсь.

— Живи уж пока, Александров! — недовольно ворчу. — Иначе кто поведет твоих малолеток в школу первого сентября? Сами они вряд ли дорогу найдут, второгодницы.

Илья раздраженно закатывает глаза и тоже меня кусает:

— А ты, наверное, своему пенсионеру секс в качестве услуг соцзащиты оказываешь?.. Оля, — он ловким движением удерживает меня на себе, как только я собираюсь вскочить, — прости. Я шучу.

— Не обольщайся. У тебя нет чувства юмора, — почти всхлипываю. Довел.

Илья снова меня целует. На этот раз смелее. Наши языки жадно сплетаются с продолжительными стонами, и мне становится все равно, что будет потом. Лишь бы снова почувствовать этот забытый аромат и не отрываться от мужественных губ.

У меня внутри будто разом все картинки из прошлого оживают.

Юность. Поцелуи до рассвета. Потом свадьба. Первый секс. Тоже с Александровым.

Потом рождение Артема. Первый семейный кризис, связанный со сменой ролей.

И Настя. Она как-то сразу всех нас примирила. Семья будто стала целой. Большой.

— Илья-я, — роняю, когда Александров начинает покрывать поцелуями мою шею.

Опускается еще ниже, к покачивающейся груди.

— Бог мой...

Выгибаюсь и стискиваю непослушную голову, путая жесткие густые волосы пальцами.

Мир становится маленьким, неважным. Звуки — тише,

воздух — горячее, минуты — слаще.

Я не замечаю, как мы оказываемся в спальне.

Нашей спальне.

Илья привычным движением щелкает по выключателю. Безошибочно, потому что точно знает его расположение.

Это неожиданно еще больше возбуждает. И секс с бывшим мужем кажется чем-то правильным. А с кем, если не с ним? Ведь мое тело так истосковалось.

Только на этой кровати.

Только с ним.

— Давай выключим свет, — прошу.

— Давай, — на секунду меня покидает. — В конце концов, я все это время не молодею.

— Я, знаешь ли, тоже.

— Это спорно. Выглядишь — отпад, Лель.

— Спасибо, — сдержанно благодарю.

Внутри залпами фейерверки.

Выгляжу — отпад. То-то же!..

Не скрою: очень приятно.

Холодный шелк шуршит, металлическая пряжка бряцает, что-то тяжелое валится на пол с оглушительным грохотом, но все происходящее стремится только к одной цели — снова почувствовать Илью в себе.

В ушах почему-то звук фанфар.

Кожа к коже, одним мощным толчком наши тела спаиваются.

Я стыдливо прикрываю глаза и неистово кусаю губы, раз за разом принимая на себя размеренные удары мужских бедер. Мышцы между бедер предательски тянет, особенно когда Илья подхватывает мою правую ногу под коленом, сгибает ее и отводит в сторону.

Оргазм наступает на пятки. Я пытаюсь его поймать, как и воздух. Захлебываюсь, ловлю и то и другое, взамен выпуская из груди протяжный крик.

Александров делает это одновременно со мной, и большое двухметровое тело придавливает меня к матрасу.

Проходят минуты. Может быть, часы, пока наши вдохи становятся такими же продолжительными, как и выдохи.

— Илья! — облизываю пересохшие губы. — Мне, кажется, звонят...

— Кто? — хрипит он сонно.

— Это Настя, — смотрю на смарт-часы и тут же отвечаю. — Да, Настена.

— Мам, — она обеспокоенно зовет. — У тебя все хорошо? Ты дома?

— Конечно, — пытаюсь освободиться от тяжелого тела. — С цветами разобрались.

— Это хорошо. Никак не можем дозвониться до папы. Кирилл, набери его еще раз.

Чувствую, как Александров напрягается, и бью его по плечу.

Он подскакивает с кровати.

— Мам?

— Сейчас. Свет! — сквозь зубы требую.

Потом сама же морщусь от ярких лучей, бьющих по глазам, и пытаюсь сдержать смех.

Голый Александров случайно бьется пальцами о металлическую ножку кровати и скачет на одной ноге, пытаюсь отыскать в карманах брюк телефон.

Торжественный звук фанфар выдает нас с потрохами.

— Мам? — не то удивленно, не то восхищенно произносит наша дочь. — Вы что, с папой вместе?

— Настя! — зову разбито, но уже слишком поздно.

— Они там вместе! — она быстро и радостно делится с Кириллом. — Ладно, мам... Вы там... в общем... отдыхайте.

— Настя! Это не то... — хочу что-то сказать, но звонок уже обрывается. — ... что ты подумала... — договариваю в пустоту.

Глава 8. Ольга

— Настенька, — спокойно улыбаюсь, рассматривая ее на экране.

— Да, мам! — хитро говорит дочь, лежа в халате, судя по всему, на гостиничной кровати. На ее голове объемное полотенце. — Что-то еще?

Я поворачиваю камеру и демонстрирую Александрова, причесанного и застегнутого на все пуговицы. На мужественном лице выражение невозмутимого пофигизма.

Илья машет дочери с вялой улыбкой, показывая кружку с какао. Взял первую попавшуюся — детскую, с коровой.

Я наконец-то выдыхаю.

Все идет по плану.

Все-таки умение разрулить любую экстренную ситуацию — моя отличительная особенность. Не зря я восьмой год в администрации ответственный пост занимаю.

— Я же говорила тебе: это не то, о чем ты подумала, дочь. Цветы были слишком тяжелыми, папу разбил радикулит. — Илья смотрит на меня снисходительно-осуждающе.

— Радикулит? — Настя обеспокоенно повторяет. — Пап! Ты не говорил! Почему скрывал?

— Вот! Сидим. Делимся тут своими болячками как старые родственники! — снова мелькаю перед камерой, удерживая платье подмышками.

— Радикулит... Это серьезно? Надо позвонить Артему... У него есть знакомый невролог. Мы тебя вылечим, пап.

— Не надо никому звонить! — грубовато вступает Илья, и я снова, как репортажный оператор, навожу телефон на него. — Мне уже лучше, Настен, — смягчается.

— Слава богу! — дочь выдыхает. — А что у вас там на столе? Такое... разноцветное.

Дернув рукой, мысленно закатываю глаза.

И по что я тебя такой внимательной воспитала, Настенька?

— Это конфеты? Или... это похоже на фишки, да? Вы что, снова играли в блек-джек? — вопросительно восклицает. — Они играли в блек-джек! Снова! — настороженно сообщает Кириллу. Мой телефон от волнения валится на столешницу. Прямо рядом с бутылкой. — Вы еще и бабушкину облепиховую настойку пили? — ахает.

Сил моих больше нет!

Издавательство какое-то.

— Это муравьиная кислота, — рявкаю, поправляя платье. — Ну все. Кажется, примочка с ней помогла твоему отцу, и он сейчас спокойно поедет домой. Пока, дочь.

— Мам! Постой...

Сбрасываю вызов.

Обессиленно опускаю телефон экраном вниз и устало вздыхаю.

— Неужели им нечем заняться? — разбито спрашиваю у

бывшего мужа в поисках поддержки.

— Не говори. У меня в голове тот же самый вопрос! — отвечает Илья, нагло вато опуская взгляд на мою грудь, и снова смотрит в глаза.

Мы оба думаем об одном.

О нашей брачной ночи.

И медовом месяце.

Где-то в закромах у меня до сих пор хранится тарелка с надписью «Сочи-2000». Ее мы купили на вокзале, последнюю, уже со сколом, потому что самого Сочи так тогда и не увидели.

Как и моря.

Дни и ночи проводили в койке.

Правильно у нас в департаменте молодежной политики говорят, что нынче молодым секс не нужен. Слишком много дофамина и развлечений. Мы по-другому веселиться не умели. Занимались сексом и когда было хорошо, и когда плохо. В любой непонятной ситуации, в общем.

Александров поднимается.

Наблюдаю за тем, как он выливает недопитое какао в мойку и — порядочный какой — споласкивает детскую кружку.

Ставит ее на место.

Опускаю взгляд, сглотнув слюну и кусая губы.

В брюки Александров впрыгнуть не успел.

Серые боксеры симпатично облепили крепкие ягодички.

Мышечистые ноги, покрытые темными короткими волоска-

ми, тоже смотрятся аппетитно. По крайней мере, на мой взгляд. Это ведь как в супермаркет голодной ходить.

Уже ведь согрешили. Так, может, устроить читмил? Постариковски это — зазор, но мой тренер по пилатесу любит использовать новомодное слово.

Не сразу замечаю, что Илья уже повернулся и, опершись бедрами о столешницу кухонного гарнитура, снова пялится на мою грудь.

Платье опять слетело. Застегнуть на спине не смогла, вышла в эфир с опровержением для дочери так. Без черной водолазки, как говорится.

Илья дышит все тяжелее.

— Ну что ты смотришь на меня, Александров?

— У тебя на носу что-то.

— Что? — испуганно тянусь к переносице.

— Растет, наверное. Как у Буратино.

Я закатываю глаза. И как я с ним пятнадцать лет прожила?

Илья, поправив тесные спереди трусы, направляется ко мне и одним ловким движением подхватывает на руки.

— Пойдем-ка обратно в постель.

Ох.

Думала, уже и не предложит.

Цепляюсь за сильную шею, не замечая, что платье окончательно соскальзывает, и для порядка ворчу:

— Не раскатывай губу, Илюша. Спать ты здесь не будешь.

— Пиздец ты деловая! — гремит над ухом. — Расслабься,

Чума. *Спать* я здесь и не собирался!

Глава 9. Ольга

— Александров, ты кем себя возомнил? — шиплю и извиваюсь аки змея, лежа на животе.

— Твоим бывшим, который надерет тебе зад, — отвечает Илья, припечатывая ладонь к моей истосковавшейся по мужской силе ягодице. — Признавайся, Чума, ты в этом году была хорошей девочкой?..

— Очень хорошей, — отвечаю уныло, стыдливо опуская лицо в матрас.

Низ живота сводит судорогой.

После сорока лет все, как и до двадцати: хорошая девочка в компании равно самая недотраханная. На стенах — грамоты, а хочется срамоты.

Правда жизни.

— Тогда надо сделать тебя плохой, — он припечатывает ладонь ко второй ягодице. Р — равноправие. Вот за что надо было бороться!

— Попробуй! — взвизгиваю: Илья резко дергает мои бедра на себя.

Вздрагиваю, когда самой нежной точки касается твердый ствол. Я, наверное, не в себе, что все это позволяю, но уж лучше с ним, чем с кем-то другим, незнакомым.

— Раздвинь ноги пошире и прогнись, Оля, — хрипло командует.

Я подчиняюсь, но недовольно виляю задом.

Или игриво...

Тут как посмотреть.

— А-ай, — еще один шлепок звучит в крошечной темноте. — О-ой, — вздрагиваю от напора умелых пальцев, утопающих во влаге.

По телу вязким сиропом разливается сладкая нега. Хорошо-хорошо становится. Так, как было много лет назад.

— Мм... Ай... Ой... — новая чередка ударов. — Мм... — и шаловливые длинные Александровские пальцы опять во мне.

Не мужик, а крылатые качели, ей-богу!

— Ай... Ой... Мм... Ай... Ой... Мм...

— Не пойму, че ты там мычишь? Тебе нравится или нет? — зафиксировав мои бедра одной рукой, Илья шелестит фольгой.

— Продолжай уж, — стараюсь «держать лицо» сильной и независимой даже с голым, отшлепанным задом и под высоким градусом.

— «Продолжай уж»?.. — повторяет он без всякого энтузиазма. Даже немного оскорбленно. — Я пошел...

— Илья! — восклицаю, прогибаясь еще старательнее от невероятной силы желания. — Продолжай. Мне все нравится.

— Нравится? Как сильно тебе нравится? — издевается.

— Александров! Не борзей!

— Ладно... Продолжу уж... — говорит лениво и резко входит, удерживая мою талию. — Просто не люблю оставлять недоделанное.

Врет, перфекционист чертов! Меня обещал сделать счастливой и оставил.

Но сейчас об этом не хочется...

Сейчас в мои ягодицы с высокой периодичностью врезаются твердые как сталь бедра, а внутри все замирает от нетерпения. Каждая клеточка хочет только одного — освобождения от зуда, который сидит внутри. Давно сидит. Засиделся.

И вообще...

Почему это после развода предусмотрены только денежные алименты? Это просто несправедливо, мать твою! Я лично на жизнь себе заработаю, а вот секс мне где искать предлагается?.. Его за мозги не дают и даже на повышение сертификатом не дарят.

Несправедливо.

Секс-алименты от Александрова были бы весьма кстати. Жизнь заиграла бы новыми красками. Женское здоровье бы поправилось, психологическая стабильность настала, после-разводная самооценка взлетела бы до небес — в общем, одни плюсы. Точно говорю.

— О да... Чума! — сквозь зубы цедит Илья, оставляя горячие линии на спине от сильных ладоней. Спальня снова наполняется звуками и запахом секса. Стены, наверное, так

же как и я, офонарели. Столько лет непорочного воздержания. — Подвигайся, как ты умеешь!

— Эм...

Ох, не заскрипеть бы!..

Покачиваю тазобедренными суставами, рисуя не то восьмерку, не то каракули, которые наши внуки обычно оставляют на новых обоях в гостиной. Попутно расстраиваюсь по этому поводу: все же ремонт дорогой. Ну и сварливая стала. Возраст.

Прикусив нижнюю губу, чувствую, как руки и ноги сводит дрожью, а внизу живота что-то взрывается.

— Ильюша... — стону, искрами рассыпаясь на простыню.

Оргазм оглушает и дезориентирует. Перед глазами белое марево. Птички поют.

Я, кажется, в раю? Так, мне пока рано. Я в уголочке постою, не разуваясь, и обратно.

— Вот так, Лель! — Александров ставит мировой рекорд по скорости забивания болта и порочно опалает мою спину горячим дыханием, получая свою порцию удовольствия. — Мм... — тоже переходит на птичий.

Рядом падает тяжелое, натренированное тело.

— Мм, — единственное, что могу сказать, подбираясь к нему поближе, и утыкаюсь во влажное от пота плечо виском.

Восстанавливаем артериальное давление, глядя в потолок.

— Спасибо, — улыбаюсь, будто сметаны объелась.

После секса даже темнота ярче становится. Зрение, слух, вкус к жизни — все обостряется.

— Обращайся по-родственному! — Илья нагло вато обнимает и убирает мои волосы от лица.

Я размышляю о том, какая же странная штука — жизнь. Тем более после маминой настойки и двухсерийного секса мозги легкие, как медицинская вата. Думать такими приятно. И не стыдно!

— Пенсионерам надо помогать, — добавляет бывший муж.

Я смеюсь.

Дурак какой!

— А я, по-твоему, тут молодежи помогаю?

— Да ты сама еще молодежь.

— А вот если серьезно, Илья. Почему мужчины нашего возраста выбирают кого помоложе?

— Оль...

— Да я без негатива. Чего нам делить? — окончательно схожу с ума. — Как сейчас говорят: если девица там Шолохова не читала или «А зори здесь тихие» не смотрела... О чем вообще с ней трахаться?

— Я хрен его знает. Сам Шолохова не читал. Я его курил по молодости. — усмехается.

— Это как?

— У деда воровал махорку. Он ее в «Тихий Дон» закручивал.

Я тоже хохочу и тянусь за одеялом, чтобы укрыть нас обоих. Кровь успокаивается, становится холодно и уже чуточку одиноко. Заранее.

— Анекдот есть в тему. Хочешь, Лель? — поглаживает мое плечо.

— Анекдоты я люблю... Ты ведь знаешь. Давай!

— Двадцатилетняя девушка провела ночь с сорокалетним мужиком. Наутро она рассказывает подружке: «С ровесниками — больше никогда. Это было нечто! Сначала целый час прелюдии, потом час секса, и всю ночь он мне стихи читал!» Мужик же жалуется другу: «Ну все как обычно. Час не вставал, потом час не мог кончить, в итоге всю ночь бессонница мучила».

Прикрыв глаза рукой, улыбаюсь и сонно зеваю.

— Тебе пора, Александров! — сообщаю, закутываясь в одеяло и еще сильнее жмусь к теплему, мужскому телу.

— Да сам знаю... Но как я пойду. У меня, вообще-то, радикулит... — подоткнув одеяло за моей спиной, Илья крепко меня обнимает и упирается подбородком в макушку. — А муравьиную кислоту ты всю выпила!

Глава 10. Ольга

Если ночью ты пила облепиховую настойку, весело резалась в блек-джек и позволила бывшему мужу себя трахнуть, знай: наутро тебя ждет страшное похмелье, которое притащит за собой жесточайшее чувство вины.

И да...

Остается надеяться, что память будет на твоей стороне и ты ничего не вспомнишь, но это не точно, потому что, продрав глаза, первое, что всплывает в голове, — это последний оргазм, который я испытала всего полтора-два часа назад.

Яркий, судорожный и весьма продолжительный.

Весьма-весьма — я бы сказала.

Что ж так паршиво?

— Если ты есть, Бог, пожалуйста, услышь, — тихо-тихо шепчу под нос речитативом. — Не надо мне новую шубу, как у Собчак, на Новый год. Обойдусь, пожалуй. И аэрогриль с двумя чашами и сенсорной панелью тоже оставь себе. Говорят, в нем божественно получают крылышки. Маленькое уточнение: куриные крылышки. Оставь бедных ангелов в покое. И вообще, это для справки. Бог! Миленький! Просто сделай так, чтобы мне все это приснилось. Лучше быть похотливой фантазеркой, чем жалкой бывшей, которая пустила козла в огород и разрешила вытоптать урожай.

— Что это ты там шепчешь, Чума? — сзади слышится

насыщенный, густой баритон, и я понуро вздыхаю, чувствуя, как к позвоночнику прижимается стальная грудь.

Это все было. Было на самом деле.

Мы играли в карты. Потом трахались. Снова и снова. Я просыпалась оттого, что чувствовала на себе тяжелое тело, и загоралась как спичка. Это так странно: дотрагиваться до человека спустя десять лет. Видеть, как он изменился, но узнавать что-то свое.

— Заклинания шепчешь? — Илья ворчит. — Всегда знал, что ты ведьма.

Сам ты ведьма, Александров...

И ведьмака своего попридержи.

Иначе он мне поясницу в решето превратит.

— Оля... — хрипит на ухо Илья, теперь ласково поглаживая мой живот. Кожа под напором уверенных пальцев горит и полыхает, утягивая меня за собой в самое пекло. — Я тебя хочу, Лель, — в который раз меня удивляет.

Ну ладно, я в сексе уже много лет, так сказать, на чистом окладе и голом энтузиазме: без надбавок, премий и прочих выплат.

Оргазм для меня — вообще немислимая роскошь.

Занятия любовью — в количестве не ниже, чем по стране. Как с МРОТ. Чтоб не меньше, чем «среднее по больнице».

— Оленька, — схожу с ума от моего имени, которое вновь и вновь слетает с мужских губ, — Оленька...

Колючий подбородок цепляет мои волнистые волосы, а в

районе сердца что-то трескается. До самого нутра этот голос добирается, ранит.

Сладко и больно.

Больно и сладко.

Одновременно.

Спать с бывшим мужем под градусом — еще куда ни шло.

Трезвой я могу его только побить.

Проворные пальцы устремляются к месту сосредоточения всего женского, что во мне имеется. Как к электрическому щитку, который вот-вот взлетит на воздух вместе со всем домом и дымящимся чердаком.

Сквозь накатывающие волны удовольствия слышу шелест фольги.

— Подними ногу и прогнись, Лель! — приказывает Александров. Я послушно выполняю и жду. — Умница, Чума. Ну какая же ты у меня умница-девочка, — продолжает нашептывать, заполняя меня до предела.

Я подаюсь назад, нанизываясь на горячий ствол.

«Девочка»... Тяжело вздыхаю.

Только он меня так называл. Только с ним я себе позволяла ею быть. С остальными я либо Олька или Ольга Александровна, либо мамулик, либо «женщина, а это вы к терапевту последняя? Если что, я за вами буду».

— Илья, — шепчу, поглаживая короткие волоски на крупных запястьях.

«Это последний раз», — клянусь себе. Получается, пятая

клятва со вчерашнего вечера. Надо признаться, с честностью у меня не очень.

Так вышло.

После жаркого секса Александров прикрывает глаза и улыбается, думая о чем-то своем, а я бросаю короткий взгляд на мускулистое тело и неохотно поднимаюсь.

Бреду в душ, сдвигаю оранжерею из цветов.

Если бы в мире существовал чан с запахом Ильи Александрова, то, клянусь, я совершила там омовение этой ночью. Тру тело мочалкой, потом скрабом с маслом и снова жесто-ченно вожу мочалкой по коже — все бесполезно.

К концу водных процедур душу охватывает безнадега. Переспать с бывшим? Серьезно? Это что? Тест на раннюю де-менцию?

Как еще объяснить то, что я вытворяю?

— Оль, ты долго?

— Нет, — приоткрываю дверь и делаю вид, что занимаюсь волосами.

— Я завтрак приготовлю.

— Хорошо. — Нервничаю сильно.

Пытаюсь выбраться из перманентного состояния саморе-флексии, набираю лучшую подругу. Вообще, нас в компании четверо, но с Лидой мы самые-самые близкие. Такую дружбу только с годами ценить начинаешь. Это уже сестринство.

Сумбурно с ней объясняюсь. Можно сказать — каюсь. В показаниях путаюсь, но это и неважно.

— Что может быть глупее, чем закрутить роман с бывшим мужем на свадьбе нашей общей дочери? — покаянно шепчу, стыдливо пряча глаза от подруги.

В Нью-Йорке почти полночь, но Лидка тут же вышла на связь.

— Я в шоке! — она сонно хмурится с экрана. — Но зачем? Вы же с Ильей десять лет в разводе!

— Это лучшие десять лет в моей жизни, — вскидываю подбородок и непримиримо сжимаю губы.

Вообще-то, первые лет пять я сильно страдала, но никому не показывала! Даже Лиде.

— Вот видишь. Да и вообще, Оль, сходиться с бывшим — это ведь как смотреть «Титаник» во второй раз и надеяться, что Джек останется в живых.

В дверном проеме проплывает высокая, спортивная фигура в строгих брюках и с голым торсом. Я уже забыла, как это... видеть Илью каждый день. Здесь. У нас дома.

— Я тебя жду, — зовет он хрипло.

— Так, я пошла! — быстро сбрасываю вызов и неуверенно взбиваю волосы попышнее.

В конце концов, на «Титанике» до крушения было очень даже весело, а со связью у нас в регионе перебои. Кто сказал, что я буду смотреть фильм до конца?..

— Это что? — на этих словах Ильи залетаю на кухню и стыдливо посматриваю на куций букет в холодильнике.

Страшно неловко становится.

— Эм... Это цветы. Оставила их там по фэншуй, — вру на ходу. — Примета есть такая. Для благополучия, изобилия и достатка в доме, — посматриваю на гору презервативов.

Если и есть фэншуй, то он работает совершенно не так, как положено.

Александров недобро посматривает на букетик, но больше ничего не спрашивает.

Мы вкусно завтракаем и еще раз, уже абсолютно трезвые, после душа занимаемся любовью. Илья, конечно же, начинает первым. Я не могу отказать. Хочу наестся Александровым впрок, как конфетами из новогоднего подарка.

Чтобы при слове «секс» тошнота подкатывала.

К вечеру у меня такой здоровый цвет лица, что я всерьез подумываю отменить прием косметолога, назначенный на среду, и вообще чувствую небывалый подъем. Надев очередную шелковую сорочку с тонкими бретелями, оставляю спящего Илью в кровати и решаю поколдовать над ужином.

Мое сознание уплывает, потому что пакет с перепелкой, когда-то похороненный под наггетсами и пельменями в морозилке, является на кухонный свет и отправляется в микроволновку.

Убираю со стола карты и скидываю презервативы обратно в коробку. Те, что Александрова, прячу в родную упаковку. Всего их четыре, а на картинке синим по белому написано, что должно быть шесть.

Заглядываю под стол — пусто.

Еще раз разрываю целую кучу подарочных презервативов — нет.

В итоге моя женская энергия стремительно несется к нулю, потому что я дергаю дверцу нижнего шкафа и смотрю в полупустое мусорное ведро.

Вот же.

Все верно.

Мы использовали только мои. Синие и красные.

А серых, тех, что приволок Александров, всего четыре.

Значит... два он использовал до того, как оказался здесь.

Это очень логично, но... неприятно.

Крайне неприятно.

Сунув упаковку во внутренний карман пиджака, прячу перепелку в морозилку до лучших времен. Прости, моя хорошая. Реинкарнации не случилось.

Остыв и позвонив Насте, возвращаюсь в спальню. С полминуты рассматриваю невозмутимое спящее лицо, крепкую шею и чуть покрасневшую от моего укуса кожу на плече.

— Илья, — зову строго и бросаю на кровать брюки.

— Что? — потягивается.

Тонкая простыня съезжает, демонстрируя напряженное мужское достоинство.

Я сжимаю зубы и отворачиваюсь.

— Настя с Кириллом выехали за цветами. Тебе пора...

Глава 11. Илья

Припарковав свой темно-серый «Туарег» возле большого двухэтажного дома, принаряженного мелкими огнями и гирляндами из сосны, выхожу на улицу и распахиваю куртку. До Нового года почти четыре недели, а эти уже все тут украсили.

В глазах рябит.

Но дом хороший. Радуюсь.

Главное — научить детей зарабатывать себе на достойную жизнь. Наш Артем в учебе был не сильно хорош, зато нашел себя в теннисе. А вот Настя — наоборот. В науке развивается. Правда, там так сильно по деньгам не развернешься. Учиться будет на своем химбиофаке долго. Кирилл взял все расходы на себя, но я сказал, чтобы меня дочь тоже со счетов не списывала. Надо будет — выучу. И помогу.

Снег под ногами приятно хрустит.

То, что в доме сына и невестки слишком много людей, вдобавок еще и детей, заметно сразу. По тому, сколько ботинок у порога. Хоть обувной открывай.

— Привет, пап, — выглядывает Артем из кухни.

— Привет, — принимаюсь как пес смердящий. Пахнет вкусно. Яблоками, сахаром и корицей. В моей любимой порции. — Как вы тут? — с подозрением осматриваюсь.

— Нормально.

Знакомой шубы соболиной не замечаю.

Сапоги на шпильке отсутствуют.

Кожаной сумки большой начальницы из городской администрации в прихожей также не обнаружено.

Ложная тревога, получается.

Ладно. Допустим.

Скидываю берцы.

Откуда вдруг взялось настроение, которое прямо сейчас летит в трубу, тоже понять не могу. Ведь с утра еще все опротивело.

— Ох, и ты здесь... День. Ну привет, бродяга! — обнимаю белого хаски. — А где твоя Ночь? — оглядываюсь в поисках второй. Черной.

— Наверху, в детской. Беременная она. Скоро рожать, — выглядывает из-за двери гостиной Полина. — У меня здесь встреча читательского клуба. Простите.

— Опять обрюхатил, значит? — трясущимся лапой хватаю куртку. — Мужик. Большой мужик.

— Пап, разговор есть. — Артем смотрит на меня выразительно. — Мама мне все рассказала.

Я придерживаю челюсть.

Высокие у них отношения.

— Вернее, рассказала Настя. Мама подтвердила. Про твой радикулит...

Вот-вот, Илья Владимирович. Дожил, блядь.

— Я, если честно, не очень понимаю, почему ты мне ничего не сказал? Мы ведь родные люди. Пап...

— Нормально все, — ворчу.

— У тебя всегда все нормально. А ты ведь не молодеешь. Мы все за тебя переживаем.

— Прямо так и все? — глаза закатываю.

— Конечно. И Поля, и Настя, и... даже мама.

— Прямо так и сказала. Мол, за Илью переживаю? — подбочениваюсь.

Ну-ка. Интересно.

— Не чужие ведь люди, пап. По голосу было заметно, что мама нервничает.

— Ну ясно...

— Я договорился у себя в спортивном центре. Физиотерапевт за тебя возьмется.

— Спасибо, сын, — хлопаю его по плечу и выпрямляюсь.

— Но не стоит беспокоиться. Мы с моим... хм... радикулитом... как-то сдюжим.

— Я уже договорился. — сын настаивает. Хороший пацан вырос. Но уж больно приставучий. — Пройдешь курс массажа, парафинотерапию, иглоукалывание, гирудотерапию. Это такие пиявки, которые присасываются...

— К чему, стесняюсь спросить, они присасываются?

— К больному месту, пап.

— Не надо ко мне... присасываться.

Из кухни доносится шум, а следом слышится топот босых

НОГ.

— Дедушка! — врезается в живот Соломон.

— Привет, парень! — путаю кудрявые волосы.

Наш старшенький.

Вернее, уже наш.

Познакомились Артем с Полиной, когда малому было два года. Сейчас семь. Время бежит. Скоро внуки рожать начнут, а у меня у самого еще сил хоть отбавляй. Ворчать только начал. Много. И волосы седые нет-нет, да и появляются.

— А где близнецы? — интересуюсь.

— Сончас, — отвечает Артем.

— Ясно. Ну как там в школе, Соломон? — спрашиваю, заходя на светлую кухню.

— В школе все спокойно. Вчера вот в шутку заминировали.

— Разве ж это спокойно?

— Зато английского не было...

Парень плюхается на пуфик с ногами и жадно вгрызается в кусок шарлотки. Я посматриваю на блюдо с пирогом, который щедро припорошен сахарной пудрой.

Значит, не показалось.

Оля Александрова тут была.

Совсем недавно.

Мне даже кажется, что я улавливаю запах ее женственных духов. Как приманку на бобров.

Потираю отросшую за пару дней бороду, пока был на ре-

гиональных сборах сотрудников МЧС, и еще раз оглядываюсь.

Нет ее.

Дырка свись.

— Темочка, ты можешь мне помочь с волшебной палочкой? — заглядывает Поля. — Ой, простите, — краснеет.

Я скептически смотрю на ее внешний вид. Мантия Гарри Поттера. На голове острая шляпа с широкими полями. Галстук.

Из гостиной доносятся жаркие споры читательского клуба.

— Красиво, — замечаю.

Просто ради приличия.

Потому что я очень вежливый свекор.

— Спасибо, — девчонка краснеет.

— Пойдем, — сын уводит жену.

Я уныло вздыхаю им вслед.

Говорят, мальчики выбирают жен под стать матери.

Наш Артем выбрал припизднутую. В хорошем смысле.

Вот и думайте!

Нацеливаюсь на внука.

— Вкусно? — спрашиваю, глядя по голове и усыпляя бдительность.

— Да-а. Еще хочу...

Подтянув блюдо, беру нож со стола и отрезаю щедрый кусок. Сглатываю слюни.

— Держи, пацан.

— Спасибо, дед!

Дед.

М-да.

— Ну... а бабушка твоя где? — спрашиваю как бы между прочим, поглядывая в окно.

— Кто?

— Пирог-то кто готовил, — небрежно киваю.

— Оля! — Соломон невозмутимо отвечает.

Оля!

А я — дед!

Приплыли, карасики!

— Ну? И где она?

— Кто?

— Оля! — снова киваю на пирог.

Соломон смачно слизывает сахарную пудру с куска и, махнув рукой, отчитывается:

— А Оля ушла, дедушка! К ней Валерон приехал...

Глава 12. Илья

Валерон, значит-с!

— И на чем же Валерон приехал за... Олей? — бычу в окно.

Вариантов тьма: такси, троллейбус.

Инвалидная коляска тоже транспорт.

— На машине, дедушка! — простодушно отвечает Сол, продолжая надругательство над бедной шарлоткой.

— Ясенько, — ставлю руки на пояс джинсов и склоняю голову набок. На улице темнеет. Вечер. — А... что за машина?

— Большая такая, дедушка. Большая-пребольшая, — Соломон старается, отвечая.

Усмехаюсь добродушно. Пытаюсь, по крайней мере.

— Что? Больше, чем моя? — оборачиваюсь.

Мальчуган закатывает глаза, что-то там кумекает и выносит свой вердикт:

— Больше, дедушка. Намного больше, чем твоя!

— Ясно, — то ли половицы скрипят, то ли зубы мои.

Надо менять «Туарег».

Давно хотел.

Тесноватая стала.

Лениво чешу бороду. Займусь до Нового года.

— Ладно, — резко кивнув самому себе, подхожу к парню

и еще раз ерошу упругие кудри. — Давай, пацан. Учись хорошо. И английский не пропускай. Проверю.

— А ты разве Олин пирог не будешь?

Олин пирог, твою мать.

— Не буду, — посматриваю на запорошенный пудрой бисквит. — Я... пока сыт.

Разминая затекшую шею, иду в коридор и обуваю берцы.

Больше, чем моя, блядь.

Крузак, что ль?

Хорошо нынче пенсионеры живут, на широкую ногу. Считай, можно не бояться — смело смотреть в будущее.

— Пап, ты уже поехал? — успевает поймать меня Артем.

— Ага. Поеду потихоньку.

Оба вздрагиваем, потому что из гостиной доносится женский ржач и аплодисменты. Надо делать ноги, иначе меня снесут.

— Леву с Лешей ждать не будешь? Скоро ведь проснутся... — сын почесывает затылок.

Наши близнецы. Лев и Алексей. Почти как братья Толстые, только Артемовичи и Александровы. Кудрявые, шустрые болтуны, сносящие все на своем пути. Трещину на полу видите? Да-да. Вот эту. Жирную и глубокую. А это керамогранит. Срок службы — от тридцати до пятидесяти лет при условии, что в доме нет трехлетних близнецов.

— Завтра заеду перед сборами, Артем. Повожусь с ними немного.

— Завтра не надо, пап, — сын предостерегает.

Всегда так делает. Значит, мать здесь будет. Чтоб я не отсвечивал и не портил ей настроение своей александровской физиономией.

— Разберемся. Что у тебя там с турнирами? Расскажешь?

— хватаю куртку.

— В ближайшие несколько дней все решится. Очень надеюсь, что пройду на открытый чемпионат Австралии. Ждем списки. Волнуюсь.

— Желаю удачи, сынок! — дружески бью по плечу.

— Ты береги себя, пап. Радикулит ведь не шутки.

— Да уж. Плакать хочется, — вздыхаю и бодро шагаю к «Туарегу».

Присматриваюсь.

И цвет давно какой-то тускловатый. Плюс крыло бы левое покрасить. Чехлы в салоне поменять на кожаные. Акустику новую опять же не мешало бы...

«Да! Тесно!» — ерзаю в водительском кресле.

Продам!

Телефон на передней панели от вибрации аж подпрыгивает.

— Да, — отвечаю, выворачивая руль и выезжая со стоянки.

— Илья Владимирович! — пропевает мелодичный голос.

— Да, Ален. Давай не сегодня... — сразу сливаюсь.

— Кхм-кхм... Илья Владимирович! — немного обвиня-

още, но все так же ласково произносит. — Вы нам не можете?

— Говори.

— Надо в караоке подкинуть.

Караоке. Терпеть не могу.

— Подкину, — тем не менее отвечаю. — Но заходить туда не буду.

— Конечно-конечно. Подъезжайте к Управлению.

— Полчаса, Ален.

— Спасибо, Илья Владимирович! — игриво завершает разговор.

Я хмурюсь.

И мать перенабираю. Лучше сейчас, по пути, чем когда дома буду.

— Илюша! Ну как ты? Может, покушать заедешь?

— Привет. Некогда. Ты звонила?

— Звонила, конечно. Хотела свадьбу обсудить. Ну какая у нас Настенька хорошенькая. Прямо загляденье. Девочка моя. Как тростиночка на ветру.

— Красивая, — соглашаюсь.

Даже улыбаюсь в полутьме. С сыном за десять лет всякое бывало. Когда разводились, он уже подросток был. Обижался, может, мать настраивала против. Не знаю. Хотя на Ольгу непохоже...

Хрен его знает.

Женимся мы на одних, разводимся уже с другими. Как

тумблер у них там в голове переключается. Столько всего вылезает. Мама дорогая.

Дочка — отдушина моя была. Мудрая, ласковая, на Олю похожая. Все лучшее от нас взяла и сохранила. Люблю Настену. Горжусь ей! А как в том платье свадебном увидел — дар речи потерял. Вся жизнь перед глазами грузовым составом пронеслась. Сердце скрючило, узлом связало. Нервы канатами натянулись.

— А эта-то... твоя. Жена бывшая. Пришла, вырядилась. Платье с голыми руками надела. Видел?

— Ну надела, — пожимаю плечами. — И что из этого?

— А в ее возрасте уже такие открытые платья никто не носит, — ворчит, — бабушка уже. Головой надо думать.

— Что ж ей теперь... в водолазный костюм наряжаться? Ерунду тоже не неси, мам!

Хорошее было платье. То, что надо, прикрыто. Все думал, Оля грудь сделала. Весь вечер мыслями маялся. А это, оказывается, такие накладки специальные.

Силиконовые, что ль?

Двадцать первый век!

Мама дальше старается:

— Живет в вашей квартире — королева такая! А ты сколько за свою еще платил? Разве это справедливо?

— Так. По существу что-то будет?

— А все-таки хорошая свадьба была, Илья! Настенька наша выросла, — в голосе матери слышатся слезы.

Я останавливаюсь рядом со входом в Управление и поглядываю на крыльцо.

— Ладно, мам. Отцу привет. Я занят, — сбрасываю вызов и убираю телефон.

В машину садится Алена. Пахнет празднично. Цветами, шампанским и духами.

— Привет, — мажет по моей щеке губами и улыбается. Весело ей. — Можно ведь я схожу в караоке? — с улыбкой спрашивает.

— Сходи. Зачем у меня спрашиваешь? — не понимаю.

— Спасибо, Илюша! — Алена счастливо вздыхает и поправляет темные волнистые волосы. — С нами мои подружки поедут. Ладно? Из бухгалтерии. — Жестом подзывает шумную женскую компанию.

Я хмурюсь.

Больше караоке и пенсионеров терпеть не могу только подружек. Пьяных, вечно лезущих с расспросами и не чувствующих личных границ!

Глава 13. Ольга

— А как звучит восхитительное Ариозо Ленского: «Я люблю вас. Я люблю вас, Ольга. Как одна безумная душа по-эта еще любить осуждена...», — зычным баритоном пропеваает Валерий и многозначительно накрывает мою ладонь рукой.

Я закатываю глаза, излишне скромно улыбаюсь и смотрю в окно автомобиля на проплывающий мимо любимый город. Как же душно!

— А ты знаешь, Олечка, кто именно предложил Чайковскому написать эту оперу к «Евгению Онегину»?

— Пушкин? — шучу, чтобы хоть как-то разрядить обстановку.

— Ну что ты, Олечка! — Валера смотрит на меня снисходительно и взглядом ищет место для парковки возле моего дома. — Александр Сергеевич трагически погиб за сорок лет до этого дня.

Дышать нечем.

— А взять в работу это великое произведение, Петру Ильичу посоветовала Елизавета Лавровская. Сначала мысль показалась ему абсурдной. Это ведь «святая книга». Он бы во сне к ней прикоснуться не осмелился...

— Что-то мне это напоминает... — ворчу, сдувая волосы со лба.

— Но вскоре идея его захватила...

Я посматриваю на умное лицо с ухоженной бородой. Стекла очков с тонкой оправой золотого цвета поблескивают.

— И как скоро это было? — рассматриваю свой маникюр. Даже не надеюсь, что мой намек будет понят как надо.

Валерий теряет:

— Этого я не знаю...

— Боже. Расслабься, пожалуйста! — Мне вдруг становится жаль, что я была так остра на язык. — Я пошутила.

— Нет, если надо, я этот вопрос изучу, — снисходительно произносит.

— Нет... Я все-таки открою окно! — пробормотав, освобождаю руку и нажимаю на кнопку.

Высовываюсь.

Вдыхаю морозный нижегородский воздух.

Хорошо становится. Как в детстве. На губы попадают мимо пролетающие снежинки.

«Везет же мне на мужиков без чувства юмора», — сокрушаюсь сама с собой. Прямо карма какая-то из прошлой жизни. Надо было с Андрюшей Персиковым из нашей школьной команды КВН начать встречаться. Он, между прочим, пробился, уехал в Москву и сейчас часто мелькает в телевизоре. Влюблен в меня был до безумия.

А я все ждала, когда сердце екнет.

Екнуло, блин.

Оглядываюсь по сторонам. С опаской.

«Туарега» на стоянке нет.

Александров с позавчерашнего вечера звонил целых пять раз. Пока не знаю, что с этим делать. Вернее, не знаю, что делать со своим диким желанием ему ответить.

Бог его знает, что там в моей голове!

— Оля?

— Я здесь, — возвращаюсь в салон и, улыбаясь, прикладываю ладони к мокрым, холодным щекам.

— Ну... и... — Валера поворачивается ко мне и смотрит выжидательно.

Прищурившись, смахиваю невидимые крошки с его пальто и тоже медленно киваю:

— Ну? И?

Он переводит взгляд на дверь моего подъезда, и я прикусываю щеку изнутри. Нет, нет и нет. Зачем он проявляет инициативу именно сегодня? Это несправедливо!

— Я пойду, — говорю, забирая сумку. — Завтра на работу. Очень рано.

— Может быть...

— Нет, — качаю головой. — Сегодня не могу!

— Хорошо. — Он обескуражен. — Цветы заberi, — сует мне букет в руки.

— Спасибо, — для приличия ныряю в бутоны носом.

— И помни. У нас с тобой Шагал на следующей неделе.

— Ладно. Я тогда... пошагал... — играю бровями.

— Что?

— Ничего, — грустно вздыхаю и выбираюсь из седана. В квартире пусто и очень тепло.

Оставляю шубу на вешалке и скидываю высокие кожаные сапоги. Белоснежную меховую шапку размещаю на специальной подставке.

Пока иду до спальни, успеваю расстегнуть платье и попутно убираю два желтых листочка на декоративной березе. Надо будет полить — не забыть.

Запахнув халат, убираю коврик для пилатеса, расстеленный на полу, и решаю приготовить салат. Вообще-то, время позднее, но под ложечкой сосет.

— От куриной грудки, помидора и айсберга ты не потолстеешь! — даю себе напутствие.

Пока сковорода нагревается, проверяю телефон.

Звонков от Ильи больше не было, но зато звонил Соломон.

— Да, мой хороший!

— Оля! Ты уже дома?

— Конечно. Как у вас дела?

— Лева и Леша кинули папину новую ракетку в моего снеговика. А еще к нам дед приезжал, — торжественно сообщает.

— Понятно, — скребу пальчиками по столешнице, стирая какое-то пятно. — И как он? — откашливаюсь.

— Разбился.

— В смысле «разбился»? — вскакиваю.

Чтобы проверить сковородку, естественно.

— Снеговик разбился!

— А...

— А дед твой пирог есть не стал. Он ему почему-то не понравился. Такой недовольный был.

— И чем же твоему... деду... мой пирог не понравился?

Деловой какой. Обычная шарлотка. Я ее тридцать лет по бабушкиному рецепту готовлю. Всегда одинаково получается.

Соломон удрученно заявляет:

— Не знаю, Оля. Сыт, наверно...

— Что? — ахаю.

— Ну он так мне и сказал: «Я сыт».

— А... в этом смысле... — выдыхаю. — И кто же его накормил, что он теперь сыт?

— Я не знаю. Деда Илья быстро от нас уехал...

— Ясно, — стискиваю зубы. — Буду ужинать, дружок!

Завтра увидимся!

— Пока, Оля!

Глава 14. Ольга

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.